

—
Дом тетушки Ли находился в другом переулке городка. Семья из шести-семи человек теснилась в трех комнатах. Места было немного, но вокруг было довольно чисто — в конце концов, тетушка Ли считалась умелой мастерицей.

В этот момент в доме из-за ребенка все стояли вверх дном. Невестка тетушки Ли жгла благовония и молила богов о помощи, а ее старший сын, Цяо Далан*, заложив руки за спину, в крайнем волнении мерил шагами маленький дворик. Увидев, что его младшая сестра выносит таз с водой, которой обтирали ребенка, и утирает слезы, он тут же принялась осыпать ее бранью:

[*Далан (达郎, Dàláng) — дословно «Да» (达, Dà) — большой, старший, «лан» (郎, láng) — молодой человек/сын. Это стандартное обращение к первому по старшинству сыну в семье в древнем Китае, буквально «старший сын».]

— Плачешь и плачешь, ребенок еще не умер! Только и знаешь, что сырость разводить, всю удачу из дома выплакала! Это ты эту хворь накликала, даже за ребенком приглядеть не можешь, только и знаешь, что даром хлеб в доме переводить! Зря только на твое пропитание тратились!

— Старший брат! — раздался глухой голос вышедшего из кухни второго брата. Увидев, что Цяо Далан снова ругает сестру, он нахмурился: — Я знаю, что ты переживаешь, но зачем срывать на Саньмэй*? Она тоже извелась из-за Бао-эра**. Ребенка и рвет, и слабит, и Саньмэй все это время без отдыха за ним убирает и ухаживает...

[*三妹 (sānmèi) — это китайское обращение, которое переводится как «третья младшая сестра». В Китае так называют третью по старшинству девочку в семье.

**宝贝 (bǎo'ér) — это ласковое китайское обращение к ребенку, которое переводится как «сокровище», «крошка», «малыш» или «детка». Оно образовано от слова 宝 (bǎo — драгоценность) и уменьшительно-ласкательного суффикса 儿 (ér).]

— А твое какое слово в этом доме?! Был бы дельным — привел бы лекаря, а раз толку от тебя нет, проваливай обратно на свою работу и не смей прикрываться заботой о Бао-эре, чтобы здесь от труда отлынивать!

От слов Цяо Далана Линь Лаоэр* то бледнел, то краснел от подступившего к горлу гнева. Он пришел с добрыми намерениями проведать ребенка, а его же в этом и обвинили. Кому не будет обидно?

[*Лаоэр (老儿, lǎo'ér) — обращение, используемое для обозначения второго ребенка или второго брата в семье. Префикс «лао» в данном случае указывает не на возраст, а имеет только грамматическое значение и одновременно привносит оттенок близости.]

Да только в этом доме хозяйничали Цяо, а он и его сестра носили фамилию Линь. Сами они больших талантов не имели, перебивались на тяжелых работах, таская тяжести ради пары

честно заработанных медяков. Натерпевшись за день чужого презрения на стороне, они и дома вынуждены были сносить попреки от этого родственника.

Будь он сам чуть побогаче и поудачливее, этот брат ни за что не посмел бы так измываться над ними тремя — над ним, сестрой и матерью. В иную минуту так и подмывало броситься на него с кулаками, да только сейчас почешешь руки, а матери потом разгребать эти семейные распри.

Грудь Линь Лаоэра тяжело вздымалась. Насупившись, он направился к выходу — раз уж его видеть не хотят, он уйдет.

Но стоило ему подойти к воротам, как он столкнулся со своей матерью, которая как раз возвращалась домой. А вместе с ней шел молодой гэр.

Линь Лаоэр при виде него застыл на месте. Вся обида и злость, что только что распирали его грудь, вмиг испарились, уступив место изумлению и бешеному стуку сердца. Он мысленно поразился: как вообще на этом свете может существовать столь статный и красивый человек?

Лицо его слегка залилось краской, он поспешно отвел взгляд и обратился к тетушке Ли:

— Матушка, а кто это с тобой?

— Это Сун-гэр, по доброте душевной пришел помочь нашему Бао-эру.

Тетушка Ли еще со двора услышала крики и семейную брань. Раз она все слышала, то и шедший рядом Сун Фэнсуй явно не был глухим. Оттого, что гостю пришлось стать свидетелем их домашних дразг, тетушке Ли было невыразимо стыдно. Хорошо хоть, к их приходу ссориться перестали, иначе позора было бы не обернуть.

Но если Линь Лаоэр проявил вежливость, то стоявший поодаль Цяо Далан из-за его широкой спины поначалу не разглядел Сун Фэнсуя. Услышав лишь голос матери, он размашистым шагом направился к ним:

— Гэр? Какой еще гэр? Где это ты его откопала? С каких это пор в нашем городке появился гэр-лекарь?

— Не сходи с ума от страха, подбирая кого попало...

Цяо Далан трещал без умолку, словно пускающий стрелы самострел. Ему было все равно, кто пришел, — поток его ядовитых слов мог у любого вызвать лишь отвращение.

То, что он позволял себе так командовать и кричать даже на старших, шло от его глубокого внутреннего презрения к тетушке Ли, Линь Лаоэру и Линь Саньмэй. Он искренне считал, что вся эта троица живет за счет его семьи Цяо.

Однако, когда он с грозным видом подошел ближе и увидел спокойно стоявшего во дворе Сун Фэнсуя, глаза его так и застыли на месте.

Мало того, что он уставился на юношу в упор, так еще и, не в силах совладать с собой, попытался подойти к нему вплотную. Голос его сделался вкрадчивым, точно пузыри на гнилом болоте:

— Из какого же ты дома, гэр? Сколько тебе лет? И надо же, умеешь лечить! Отчего я раньше никогда не встречал тебя в нашем городке?

Сун Фэнсуй слегка нахмурился и, проигнорировав Цяо Далана, повернулся к хозяйке:

— Тетушка Ли, где ребенок?

Надо же, придя к людям ради спасения чужой жизни, лекарь умудрился наткнуться на столь легкомысленного и распутного мужчину. Неудивительно, что женщинам-врачам в этом мире приходится так несладко.

Он опустил взгляд, мысленно признавая, что Дуань Янь не зря так бдительно его охранял — в конце концов, кузнец куда лучше знал эти места.

Но, с другой стороны, куда подевался сам мужчина? Неужто отстал по дороге?

Сун Фэнсуй слегка нахмурил брови, но не стал крутить головой в поисках Дуань Яня, а лишь повторил:

— Тетушка Ли, где больной?

Тетушка Ли уже собиралась проводить Сун Фэнсуя в дом, как вдруг Цяо Далан шагнул вперед, преграждая путь:

— К нам в дом пришел такой редкий гость, где это видано, чтобы человека гнали за работу, не дав сделать и глотка чаю? Прошу тебя, гэр, пройди сначала в залу, присядь. У меня как раз припрятан превосходный чай «Юньдин Маоцзянь», вкус у него отменный. Испробуешь чаю, а после и к осмотру приступить можно, дело не к спеху.

С этими словами он, бесстыдно косясь на комнату, протянул руку, намереваясь схватить Сун Фэнсуя.

И надо же было такому случиться, что он действительно коснулся чужого тела. Вот только ухватился он не за широкий рукав одеяния, а за чью-то горячую ладонь. По всему его телу словно пробежал электрический разряд. Совершенно забыв о том, что вокруг стоит вся его многочисленная родня, он резко и крепко сжал пойманную руку.

На радостях он принялся ощупывать и поглаживать чужую ладонь. Однако мозоли на ней оказались толстыми и жесткими, кожа была шершавой, точно старая древесная кора, да и сама рука почему-то казалась куда крупнее его собственной.

Цяо Далан в замешательстве обернулся и наткнулся на мужское лицо, леденящее душу, точно в самые суровые зимние морозы. Вся семья в усадьбе Цяо замерла, боясь сделать даже вдох.

А он в это время все еще продолжал крепко сжимать чужую руку, умудрившись со всем сладострастием ощупать ее до самого конца.

Цяо Далан пришел в полный ужас:

— Брат... Брат Дуань...

— А у тебя в доме весьма своеобразный способ встречать гостей!

Дуань Янь отбросил руку Цяо Далана, словно кусок грязной тряпки. Цяо Далан, который не был хрупкого телосложения, от этого толчка покачнулся и едва не упал.

Кое-как удержав равновесие, он сухо улыбнулся:

— Не знал, что брат Дуань почитает нас своим присутствием. Ребенок заболел, в доме полный беспорядок, я так разволновался, что растерял все приличия. Брат Дуань, не смейся надо мной.

Дуань Янь ледяным взглядом смотрел на него. Не будь болен ребенок, он бы, видя такую мерзкую физиономию, ни за что не позволил Сун Фэнсюю остаться ради осмотра. Лечить кого-то для такого человека, как Цяо Далан — только зря переводить силы.

После этого происшествия Сун Фэнсуй выглядел не лучшим образом. Подняв глаза, он заметил, что Дуань Янь держит корзину, прикрытую тканью, и неясно, что в ней лежит.

Заметив, что лицо кузнеца выглядит даже мрачнее его собственного, юноша перестал сердиться. Ему не хотелось больше тратить время на препирательства с этим глупцом, он лишь хотел поскорее провести осмотр и уйти. Ему совершенно не хотелось возвращаться в это место во второй раз.

Забрав из рук Дуань Яня медицинский сундучок, он позвал тетушку Ли и направился напрямиком в комнату.

Цяо Далан, глядя на это, каким бы глупым ни был, сразу понял, что Сун Фэнсуй — человек Дуань Яня.

В глубине души он горько вздохнул. Какой невероятно красивый гэр! Доведись хоть раз насладиться таким сокровищем — и жизнь прожита не зря. Какая жалость, что эту редкостную драгоценность уже кто-то прибрал к рукам, да еще и охраняет так бдительно.

Перед высоким и крепким Дуань Янем, хоть у него были лишь похотливые мысли, он больше не смел даже украдкой взглянуть на юношу.

Он лишь заискивающе кланялся и благодарил:

— Брат Дуань, у тебя благородное и доброе сердце. При твоей занятости ты лично пришел ради моего сынишки. Я право слово не знаю, как и благодарить тебя.

Цяо Далан раньше действительно слышал, что мачеха нанялась кухаркой, но не интересовался, у кого именно. Кто же знал, что это усадьба местного воротилы.

Он и подумать не мог, что такую фигуру удастся пригласить в дом для осмотра.

— Брат Дуань, проходи в комнату, присядь подожди. Я велю жене приготовить пару закусок к вину.

Стоявший в стороне Линь Лаоэр, глядя на старшего брата, который, столкнувшись с по-настоящему грозным человеком, растерял всю свою прежнюю спесь и заискивал перед ним, убедился, что тот обычный домашний тиран.

Он презирал его за это. Но поскольку пришел лекарь, его сердце успокоилось, поэтому он вежливо кивнул Дуань Яню и ушел по делам.

Дуань Янь проигнорировал Цяо Далана, лишь холодно бросил ему: «Заткнись», — и остался ждать Сун Фэнсюя во дворе.

— Что ребенок ел в последнее время?

В комнате Сун Фэнсуй проверил пульс у маленького мальчика, лежавшего на кушетке с бледным, как полотно, лицом, осмотрел рвотные массы и спросил о еде.

Стоявшая рядом Линь Саньмэй тихо ответила:

— Слышали, что на улице бушует лихорадка, поэтому эти два дня я не выпускала Бао-эра со двора. Кроме обычного трехразового питания он больше ничего не ел.

— Тетушка Ли сказала мне, что болезнь началась только сегодня. Расскажи подробно, что он ел утром.

Линь Саньмэй сказала:

— Сегодня утром мы ели жидкую рисовую кашу и соленья. Кашу и соленья приготовили еще до рассвета, вся семья ела это...

На полуслове она словно о чем-то вспомнила, и ее лицо напряглось.

— Раз молодой господин спрашивает, отвечай, — заметив, что дочь замялась, тетушка Ли поторопила ее. — Что-то не так?

— Цены на зерно на рынке растут каждый день, людям страшно. Старший брат сказал, что неизвестно, до чего еще доведет лихорадка, и велел экономить рис. Сегодня утром каша вышла жидкой, риса мало, Бао-эр не наелся. Невестка и отдала ему чашку круглого риса, что оставалась со вчерашнего ужина.

Брови Сун Фэнсуя сошлись на переносице:

— В такую погоду оставленный на ночь рис легче всего портится. Стоит ему закиснуть, как внутри зарождается болезнь. Детский желудок слабый, как он мог выдержать такое!

Линь Саньмэй утирала заплаканные глаза, сокрушаясь о ребенке:

— Маленький лекарь Сун, вы обязательно должны спасти Бао-эра.

Хотя ребенок был рожден Цяо Даланом и его женой, но эти супруги — один негодяй, вторая лентяйка. Малыш с самого рождения рос на руках у тетушки Ли и Линь Саньмэй, как им было не плакать от жалости к нему.

Сун Фэнсуй сказал:

— Не нужно так сильно паниковать. Я выпишу рецепт. Сварите лекарство по нему и дайте ребенку. Стоит ему принять один раз, как наступит облегчение, а после трех приемов болезнь пройдет.

Затем он добавил:

— Определить недуг сейчас было просто, но вот лекарства достать трудно. Кое-что из того, что у меня есть, я могу дать прямо сейчас, но остальное вам придется искать своими силами.

Сун Фэнсуй выписал названия тех лекарств, которых не было у них с Дуань Янем.

Тетушка Ли, едва успев обрадоваться, снова затревожилась из-за лекарств. Она поспешно забрала рецепт и понесла его Цяо Далану, чтобы тот, используя свои связи, попытался их

найти.

Дуань Янь, увидев, что дело снова упирается в лекарства, ничем не мог помочь. Выдать то, что было у них в поместье, и без того было проявлением благородства. В собственных делах им нужно разбираться самим.

Поскольку осмотр был закончен, он забрал медицинский сундучок, велел тетушке Ли оставаться дома и присматривать за ребенком, не торопясь возвращаться, и собрался уводить Сун Фэнсуя.

Однако Сун Фэнсуй развернулся и подошел прямо к Цяо Далану.

Увидев приближающегося к нему юношу, сердце Цяо Далана замерло. Он одновременно боялся Дуань Яня и чувствовал трепет в душе. Едва он приготовился пофантазировать, как услышал:

— Плата за вызов — тридцать вэней. За предоставленные лекарства — шестьдесят вэней.

Цяо Далан опешил, а когда до него дошло, с глубоким разочарованием медленно вытащил кошелек...

На обратном пути Сун Фэнсуй шел рядом с Дуань Янем. Он собирался поговорить о поездке в деревню, но, заметив, что мужчина все еще несет корзину, подошел и приподнял край ткани. Внутри оказались спелые персики.

— Так ты ходил покупать персики? Разве они тебе так нравятся? Или в этих персиках есть что-то особенное?

— Самые обычные персики, — нахмурился Дуань Янь. — Когда мы шли сюда, я подумал, что тетушка Ли работает у нас. Раз уж мы идем к ней домой навещать больного, с пустыми руками как-то некрасиво. Увидел, что на улице продают персики, и купил немного фруктов.

Сун Фэнсуй улыбнулся:

— А ты довольно вежлив. Но почему же ты тогда унес их обратно?

— У этого Цяо Далана слишком мерзкий нрав. Оставь я их ему, этим персикам лучше было бы сгнить на дереве.

Глядя на серьезный вид Дуань Яня, Сун Фэнсуй подумал, что этот человек порой бывает очень забавным.

Он достал только что полученные деньги, оставил себе тридцать вэней за осмотр, а остальные отдал Дуань Яню.

Надо сказать, их мысли сошлись. Не будь этот Цяо Далан столь омерзителен, Сун Фэнсуй с радостью помог бы бесплатно. Но раз тот так ведет себя с пришедшим лекарем, зачем делать ему поблажки.

К тому же ему самому сейчас очень нужны деньги. С тех пор как их сослали сюда, им приходилось трудиться с утра до вечера по указанию властей. О заработке не шло и речи, им порой даже еды не хватало, чтобы наесться досыта.

— Теперь я больше не молодой господин из знатного клана, мне нужно быть чуточку «жадным

до денег».

Дуань Янь посмотрел на тяжелые медные монеты в своей руке и протянул их Сун Фэнсую:

— Тогда заberi и эти.

— Зарабатывать своим трудом и просить милостыню — разные вещи, — Сун Фэнсуй оттолкнул руку мужчины. — Это твои деньги за лекарства.

Дуань Янь хотел сказать, что если юноше нужны деньги, он может дать ему свои, но вовремя подумал: если без всякой причины давать деньги молодому и красивому гэру, это будет выглядеть как намек на непристойные отношения.

Поэтому он оставил эту мысль и сказал:

— Если хочешь заработать, сейчас в городе хаос и не хватает лекарей, ты мог бы принимать больных. Так ты и деньги заработаешь, и поможешь простым людям в экстренной ситуации.

Сун Фэнсуй согласился, что это хороший способ, но покачал головой:

— Дуань Янь, я уже почти полностью приготовил лекарство против эпидемии и хочу как можно скорее вернуться в деревню. Рецепт готов, но болезнь изменчива, действует ли он, можно узнать только на практике. Я не могу больше терять время — не только ради моего дедушки, но и ради всего уезда Яньчжоу.

Дуань Янь нахмурился. Он понимал, что это самое главное. Если с эпидемией не разобраться, это станет бедой не только для властей, но и для всех местных жителей.

Губы сгниют — зубам будет холодно. Если большинство заразится, это место превратится в мертвую зону. Даже те, у кого есть деньги на побег, не смогут уйти — за пределами уезда узнают о болезни, охрана на дорогах станет очень строгой, и никого из зараженной зоны не выпустят.

Единственный выход — вернуть этому месту покой.

— Утром я уже отправил Гоу Сань-эра в деревню Лю, чтобы он разузнал обстановку и договорился, как нам туда пройти.

Услышав, что Сун Фэнсуй уже приготовил лекарство для проверки, Дуань Янь почувствовал надежду. На самом деле он и сам сильно переживал, но не хотел торопить юношу, чтобы не давить на него. Теперь, когда тот сам сказал, что все готово, он произнес:

— Пойдем скорее обратно, посмотрим, не вернулся ли он.

Видя, что Дуань Янь все это время помнил об этом деле, Сун Фэнсуй почувствовал тепло на душе и быстро пошел вместе с ним назад.

—